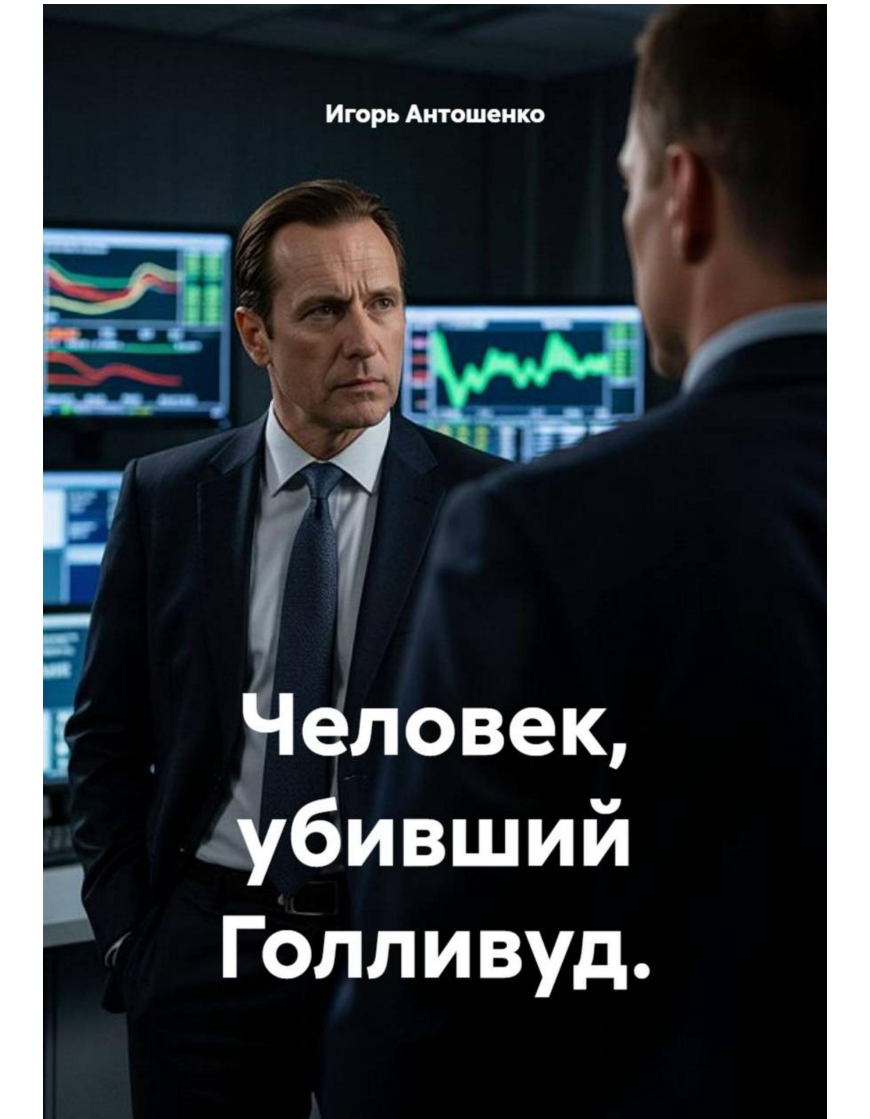

Игорь Антошенко

**Человек,
убивший
Голливуд.**

Игорь Антошенко

Человек, убивший Голливуд.

<https://litres.ru/74517078>

SelfPub; 2026

Аннотация

Необычайное происшествие на одном из центральных телеканалов США поставило спецслужбы страны перед фактом, что одной из противоборствующих сторон совершён серьёзный и весьма опасный прорыв в области компьютерных технологий. Ведущий аналитик ЦРУ убеждён, что следы случившегося ведут в Россию, причём уверен, что искать следует гениального одиночку. Перед агентом ЦРУ ставится задача разыскать нужного человека и раздобыть феноменальную новинку, для чего он отправляется в Москву, где ему предстоит столкнуться с самым опытным специалистом контрразведки ФСБ. Причём проблема для США оказывается более значительной, чем виделась изначально: новая разработка русского грозит поставить крест на их мировой гегемонии.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4.	32
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	54
Глава 8	64
Глава 9	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Игорь Антошенко Человек, убивший Голливуд.

Глава 1 Прерванный отпуск

Небрежно бросив дорожную сумку в шкаф-купе, Кельвин устало плюхнулся в кресло. Он намеренно забрался в этот забытый Богом уголок, чтобы провести первый за четыре года отпуск. Лес, озеро, рыбалка и минимум общения - это то, о чём мечталось долгое время.

По давней привычке, которой не изменял даже на отдыхе, рука потянулась к пульту, начинались новости CNN. Не то чтобы они были интересны, по долгу службы Кельвин был осведомлён о происходящем на несколько порядков выше, чем верставшие новости щелкопёры, просто слушая беглую болтовню дикторов, он отключался от державших в цейтноте проблем.

Вот и сейчас стало легче, не позволявший расслабиться внутренний диалог исчез, зрение потеряло фокус, и Кельвин погрузился в состояние блаженства.

Экран вещал о событиях в Поднебесной. В какой-то миг картинка изменилась, выставив на первый план президента, выступающего с обращением на фоне Белого дома. Мозг, владевший уймой информации и приученный ежедневно перерабатывать её, буквально выпрыгнул из состояния отрешённости.

- Что за чёрт, он в Англии и не мог вернуться так быстро, - выпалил оживший внутренний голос.

Но то, что Кельвин услышал, отбросило это несоответствие на задний план, ввергнув в состояние шока. Не кто иной, сам президент Соединённых Штатов говорил о том, что, обслуживая интересы богатейших кланов страны, правительства, сменяющие друг друга, зарвались в своей беспринципности, оказывая экономическое и военное давление на другие страны под видом защиты жизненных интересов американцев. Развязанные ими войны не справедливы, а стало быть, преступны. Он предупреждал, что рано или поздно Америке предстоит расплатиться за содеянное, как в своё время Германии. Достижения американской демократии называл блефом, приводя убийственные аргументы, а экономическое процветание - паразитированием на теле мирового сообщества, обусловленное возможностью бесконтрольно печатать вездесущий доллар.

То, что это заранее спланированная и великолепно проведённая провокация, Кельвин не сомневался. Но как им удалось взломать систему безопасности телеканала?

С одной стороны, могли завербовать сотрудника, способного запустить материал в эфир. Тогда не составит труда вычислить, кто он, а соответственно, выйти на заказчиков, конечно, если его уже не зачистили. Готовить и внедрять агента? Слишком хлопотно. Этот вариант Кельвин отметал на прочь.

Но ролик могли загрузить через взломанную компьютерную сеть, тогда отыскать организатора будет весьма сложно. Именно такое развитие событий виделось наиболее вероятным. В его пользу свидетельствовал факт, что злосчастное вещание не было мгновенно заменено другим, а было прервано.

Некоторое время передатчики безмолвствовали, видимо, компьютерщикам оказалось не по силам отразить атаку, пришлось рубить питание, а затем восстанавливать трансляцию в ручном режиме.

- Отдохнул? - съязвило внутреннее я.

Мозг по привычке начал анализ, высыпая вопросы и отыскивая ответы. Во-первых, следовало понять, кто инициатор, без этого не докопаться до цели затейного. Замутить бодягу, чтобы щёлкнуть по носу американские спецслужбы и в очередной раз посеять недоверие к ним? Возможно, но это лишь попутный эффект.

Кельвин нутром чувствовал, что вещание - исходный шаг в сложной многоходовой комбинации. Не поняв её целей, невозможно противодействовать противнику, а играть всле-

пую Кельвин не привык, превращаешься в регистратора навязанных событий, при неприятнейшее состояние. Правда, сами события могут подсказать, кто и для чего? Но будет упущено время, и затеянная операция дойдёт до логического конца. Прервать её... Но как?

Итак, кто? Ответ на этот вопрос был ключом, открывающим дверь в лабиринт, где не мудрено потеряться, но без него не было даже такой возможности, не говоря уже о надежде разобраться в его хитросплетениях. Операцию могла затеять спецслужба любой, даже очень дружественной страны. Располагая обширными данными о деятельности спецслужб, Кельвин довольно скептически относился к такого рода «дружбе».

Китай, Германия, Франция, Япония, Израиль, Россия... - мозг принялся лихорадочно выстраивать страны по степени их заинтересованности в отвлечении американских спецслужб от проводимых мероприятий.

В расчёт принималась вся известная информация: борьба за рынки сбыта высокотехнологического оборудования (безусловно, в первую очередь, оружия - Кельвин был осведомлён о всех важнейших контрактах, готовящихся в этой области); соперничество за ценные ресурсы; работа наркотрафиков; финансовые махинации; манипуляции на биржах; ход локальных конфликтов; готовящиеся и проводимые разведывательные операции, как свои, так и чужие, естественно, те, о которых было известно из тех или иных источников, и

т.п.

В общий список заинтересованных были включены даже разведывательные ведомства США, не входящие в состав ЦРУ, но подотчётные их директору как главе всего разведывательного сообщества, руководители которых могли быть заинтересованы в смещении с должности шефа.

Кельвин понимал, что при определённых обстоятельствах они способны не только на провокацию, подобную этой, но и на физическое устранение неудобных, включая и первое лицо государства, которое являлось таковым лишь формально.

Теперь, опираясь на содержавшуюся в голове информацию, Кельвин мог предположить, кто больше других заинтересован в произошедшем, но отдавал себе отчёт, что это далеко не ответ на поставленный вопрос. Нужны были неоспоримые факты, подтверждающие умозаключения, или, на худой конец, косвенные, но значимые. Получить их можно было, только изучив особенности появления этой чёртовой теле трансляции. Нужно было возвращаться на службу.

- Как ни крути, через пару часов тебя выдернут назад, - подытожил сидевший у него внутри оппонент, который так некстати был прав.

Достав из шкафа ещё не разобрannую сумку, Кельвин раздражённо набросил её на плечо, подойдя к двери, окинул взглядом номер, не оставил ли чего, и потушил свет. В коридоре было пусто, его удаляющиеся шаги затихли вместе с повторяющим их эхом.

Девушка администратор, завидев спускающегося по лестнице недовольного джентльмена, не более двадцати минут как поселившегося в отеле, шагнула навстречу.

- Всё в порядке, – опередил её Кельвин, - изменились обстоятельства. Моё пребывание оплачено на неделю, но думаю, я не вернусь. Вы говорили о дежурной машине, нужно в аэропорт.

Девушка понимающе кивнула и подняла трубку телефона. Машина была свободна, неразговорчивый водитель знал своё дело, и уже в четверть первого отрывающийся от бетонки самолёт вжимал Кельвина в кресло, оставляя позади очередной несостоявшийся отпуск.

Глава 2

Полковник Богатов

Полковник ФСБ Александр Богатов лежал в госпитале не в связи с болезнью или ранением. Он достиг возраста, соответствующего званию, когда должен быть уволен в запас, и проходил медицинское освидетельствование. Богатов не задумывался, чем будет заниматься дальше, семьи у него не было, не сложилось, а назначенной пенсии, при наличии собственного жилья в Москве, по его пониманию, на прожить хватало. Служебные проблемы, в связи с нынешним положением, ушли сами собой. Он понимал: жизнь прожита. Увольняемый полковник не искал в ней особого смысла, полагая, что сложилось всё так, как должно было быть. Удивляла лишь одна особенность судьбы, всегда направлявшая Александра туда, куда не хотелось. Началось с матери, настоявшей на поступлении после восьмилетки в техникум. А он бредил десантом, видя дорогу простой и ясной: десять классов, Рязань, воздушно-десантное училище.

- Получи специальность и делай с жизнью что хочешь, - настаивала мать.

Мудрая женщина хотела уберечь сына от выбранного пути.

- Потеряю два года, не велика беда, - подумал он и согла-

сился.

Учился усердно, красный диплом давал льготу при поступлении. И вот он в руках, медкомиссия пройдена, и до мечты подать рукой. Как вдруг офицер, курирующий поступающих в ВВУЗы, упёрся рогом.

- В Рязань желающих предостаточно, разнарядку выполнили, а в другие людей не хватает. Так что едешь, куда скажу, или в войска.

Терять год, отставая от сверстников ещё больше, Александр не захотел.

- Сдашь экзамены и переведёшься, - наставлял округлившийся от сидячей службы капитан.

И вот он курсант Киевского зенитного ракетного инженерного училища. Естественно, ни о каком переводе речи быть не могло, разве что формально, в реальности это было нечто из разряда фантастики.

В нагрудном кармане ожил поставленный на вибрацию телефон. Богатов взглянул на экран: звонил Максим - генерал-лейтенант Максим Ильич Кондратьев, непосредственный начальник, а по совместительству лучший друг.

- Саня, ты где?

- Где и положено, в госпитале, подбираю сестру-сиделку, кто-то же должен присматривать за мной на пенсии, - отшутился Богатов.

- С этим повремени, дождись меня, буду через час, - выпалил Максим и отключился.

- Разговор будет серьёзный, - зная манеру поведения друга, Богатов был попросту уверен в этом.

С Максимом судьба свела его в училище, они очутились в одном взводе, а в казарме спали на соседних койках. Нахрапистый москвич, ещё будучи абитуриентом, удивлял всех своей бесшабашностью. Он запросто мог слинять в самоволку, за что выгоняли, дерзил курсовым офицерам, а то и начальнику курса, но ему всё сходило с рук. Однокурсники недоумевали. Никто, кроме Александра, так и не узнал, что отчислить его было весьма сложно, а точнее, практически не возможно. Он был сыном действующего генерала КГБ, возглавляющего отдел в его святая святых – первом управлении, а дед, тоже генерал, в своё время руководил этим управлением.

Отец и дед видели в мальчике продолжателя династии, а Максиму, позднему ребёнку, взлелеянному матерью и росшему без присмотра отца, занятого на службе, их желание было до фонаря. При хорошем раскладе парня ждал лучший факультет МГИМО, соответственно, офицерские погоны без напряжения, а дальше по накатанной.

Но Макс в десятом классе сорвался, попал в дурную компанию и мог натворить Бог знает что. Тогда и было принято решение на время убрать наследника из Москвы, организовав «строгий» режим. Его сдали в военное училище, посадив за забор на казарменное положение. Как Максим ни выёживался, стараясь вырваться из западни, ничего не вышло,

пробовал завалить экзамены - не тут-то было, ставили нужные оценки, пытался отчислиться по залёту, и здесь облом, в вежливой форме показали комбинацию из трёх пальцев. Пришлось смириться и от безысходности взяться за учёбу.

Александр, будучи старше однокурсников, выпавших в новую жизнь прямо из родительского гнезда, отличался сдержанностью и рассудительностью. У него за плечами был не только техникум, но и работа на заводе, учёба давалась легко. Вероятно, в силу этих обстоятельств шалопай Максим проникся к нему уважением, и со временем между ними завязалась дружба. Тогда Богатов ещё не знал, какую роль она сыграет в его судьбе. А пока он помогал Максиму с учёбой и, как мог, наставлял на путь истинный. Под влиянием друга Макс уже к первому отпуску стал другим человеком, особыты не упустили возможности доложить об этом высокопоставленному родителю. Курсантские годы пролетели быстро, и перед выпуском, когда настало время устраивать судьбу сына, Кондратьев-старший решил не разрывать этот тандем.

Александр Богатову вручали диплом и погоны первому, поскольку он закончил училище с золотой медалью. Ему пророчили адъютантуру, до поступления в которую требовалось отслужить два года, а затем - учёную или преподавательскую карьеру. Начальник училища клятвенно обещал распределить медалиста туда, куда он пожелает, и Александр выявил желание служить в одном из двух военных научно-исследовательских институтов их ведомства. Поэтому

му, когда получил направление в столицу, решил, что едет в Московский институт. Он и предположить не мог, где окажется через месяц по завершении положенного по окончании училища отпуска.

Управление контрразведки КГБ было вторым по значимости в «конторе», попав в него, Александр понимал, что обратной дороги не будет. Судьба опять не оставляла выбора, загоняя, как бильярдный шар, в некую лишь ей ведомую лузу. Можно было отказаться, но это бы поставило жирный крест на всей дальнейшей службе.

Начались непростые будни: осваивать новое дело пришлось с колёс, знания, полученные в училище, здесь были бесполезны. Александр по-прежнему был способнее друга, он тянул львиную часть работы, но, увы, ввиду известных обстоятельств со временем оказался в подчинении у Максима. По этому поводу Богатов не расстраивался, понимая, что иначе быть и не могло. Между тем, по мере всплытия Максима к лампасам (и он довольно успешно продвигался по карьерной лестнице, со временем оказавшись на генеральской должности), только вот соответствующее звание ему так и не присвоили. Как ни странно, это обрадовало, а не огорчило полковника, поскольку между «уйти или остаться» Богатов, не задумываясь, выбрал бы первое, а получив очередное звание, пришлось бы служить дальше.

Александр Александрович, не глядя на все перемены в стране, остался офицером старого формата, для него честь,

долг и Родина были не отвлечёнными понятиями. Когда он начинал службу, интересы государства стояли превыше всего, в нынешней жизни приоритеты поменялись полностью.

КГБ, став ФСБ, обслуживало власть имущих, оберегая от превратностей судьбы их экономические интересы, а при необходимости и отжимая для них приглянувшийся бизнес. Взамен, в виде индульгенции, получало право крышевать менее лакомые ломти, состригая соответствующие доходы, хитроумными способами перераспределяющиеся между сотрудниками. Конечно, помимо этого приходилось выполнять и прежние функции, но на них смотрели сквозь пальцы, поскольку здесь отсутствовал экономический стимул, а «чесаться» начинали, когда происходило нечто из ряда вон выходящее.

Богатов, вопреки новым жизненным реалиям, продолжал ставить интересы страны во главу угла, деликатно отмечая коммерческие предложения. Его жизненная позиция многим была непонятной, но за ту стойкость, с которой он её придерживался, уважали.

Ценили полковника и как одного из лучших специалистов в своём деле. Именно на него в последнее время взваливали проблемы, связанные с прописанными на бумаге функциями ведомства, от которых иные кривились как от зубной боли, а учитывая кредо старорежимного строптивца, к нему в отдел ссылали таких же бессребреников. Однако, несмотря на заслуги, не простили порядочности, и, как результат, при-

держали генеральское звание, позволив перевалить возрастной рубеж, по сути, убрали по-хорошему. Безусловно, он понимал почему и не сожалел о случившемся. Угнетало лишь расставание с возглавляемым коллективом, в котором подчинённые, от лейтенанта до полковника, в отсутствие посторонних никогда не обращались к нему по званию, он был для них Саныч или Сан Саныч. Но это была единственная воляность, в остальном никому и в голову не приходило ослушаться его распоряжения или приказа.

Богатов взглянул на старые командирские часы, полученные в училище на третьем курсе за отличную учёбу: с момента окончания разговора с Максимом прошло сорок девять минут. Секундная стрелка, завершив круг, начала новый отсчёт.

- Интересно, что им теперь нужно?

Сцепив руки за головой в замок и прислонившись через них к стене, полковник закрыл глаза, но не для того, чтобы расслабиться, он думал.

Глава 3

Затянувшееся совещание

Солнце едва выглянуло из-за горизонта, когда самолёт, сделав небольшой крен на левое крыло, начал снижаться, а через двадцать минут, пробежав по полосе положенные метры, замер. Было очень рано, но Кельвин решил сразу отправиться на службу, благо вещей при нём практически не было. Ещё в самолёте скомпоновав выводы в удобоваримую форму, он планировал до прихода шефа распечатать их с ноутбука и раздобыть необходимую для анализа информацию.

В приёмной Кельвин оказался за несколько минут до появления Роберта Палмера. Кивком поздоровавшись с секретаршей, он отошёл в дальний угол комнаты. Палмер был точен, как швейцарские часы. Рванув дверь, что свидетельствовало о плохом настроении, с порога прорычал:

- Криста, разыщите Барлоу, мне плевать, что этот бездельник в отпуске.

Секретарша хотела было сказать шефу, что Кельвин за спиной, но Роберт взглядом и жестом осадил её.

- Нужен к вечеру, а лучше прямо сейчас. Через час совещание у директора, чем-то надо прикрывать задницу, - размышлял он вслух, не обращая внимания на Кристу, - отдыхать вздумал, гений аналитики, - грязно выругавшись, Пал-

мер подытожил: - Просчитал бы этот бедлам, был бы здесь.

Он хотел ещё что-то добавить, но Кельвин, улыбнувшись, оборвал монолог:

- Спрогнозировать, сколько удержишься в кресле?

Криста, боявшаяся шефа пуше огня, чтобы не прыснуть, зажала рот ладонью. Палмер опешил: знай, что Кельвин рядом, никогда бы не позволил себе таких высказываний. Формально он был начальником, на деле мнение Кельвина для руководства значило во сто крат больше, чем его точка зрения. Роберт превосходно знал: стоит Барлоу захотеть, и они в лучшем случае поменяются местами.

Кельвин Уорд Барлоу был одним из немногих сотрудников Разведывательного директората ЦРУ, обладавших большим опытом практической работы, и в своё время сделавших успешную карьеру в Оперативном директорате. (Для справки: Оперативный директорат решает задачи, связанные с поиском и сбором информации силами агентурной разведки, организует и осуществляет тайные операции, контрразведывательное обеспечение агентурно-оперативных мероприятий, ведёт борьбу с терроризмом и наркобизнесом. Оперативный директорат является "добывающим", а Разведывательный — "обрабатывающим" органом ЦРУ). Причём работать ему пришлось не где попроще, а в СССР, в те времена, когда всё в этой стране было под неусыпным контролем КГБ. Кельвин всегда искал неординарный подход к делу, вот и тогда, в Союзе, приложил мак-

симум усилий, чтобы изучить русский менталитет и освоить русский образ мышления. Во многом благодаря этим знаниям ему удавалось на равных «играть» против сотрудников особого отдела КГБ, противодействующего ЦРУ. Здесь проявились и его аналитические способности, ввиду чего было решено перевести Барлоу в Разведывательный директорат с повышением, на должность руководителя отдела транснациональных проблем. Но Кельвин, не испытывающий тяги к административным обязанностям, сопряжённым с должностью, отказался, согласившись на перевод в аналитическую службу отдела, так и оказался в подчинении Палмера, хотя мог быть его начальником.

- Кельвин! Но как?

- Дело случая, увидел «телешоу» и понял, отпуск закончился.

- Ты нужен на совещании.

- Ещё бы, тем более уже кое-что наработал, - Кельвин подмигнул Кристе и, пропустив Палмера вперёд, плотно закрыл за собой дверь кабинета.

Бросив папку на стол, он бегло изложил Палмеру свои соображения, умолчав лишь о том, о чём десять минут назад поведал Бред, приятель из отдела исследований и разработок технических систем Научно-технического директората.

Полученная информация, была не на сто процентов достоверной. Эксперты ещё «колдовали» над оказавшимся в эфире материалом. Неоспоримым фактом было то, что вбро-

щенный на телевидение ролик не мог быть реальной съёмкой с подставным лицом. Тогда оставалось два варианта: либо выступление человека, как две капли воды похожего на президента, совмещено с видом Белого дома; либо это искусно смонтированная нарезка из подборки выступлений. Но как в одном, так и в другом случае должны были остаться следы монтажа, пусть даже незначительные, а вот их как раз и не было. Ввиду этих обстоятельств возникла ещё одна почти фантастическая версия. Было выдвинуто предположение, что материал не съёмка, а компьютерная графика такого высочайшего уровня, который даже трудно представить. Так или иначе, отличить этот шедевр неведомой технологии от натуральной съёмки пока не удалось.

Кельвин улыбнулся: не первый раз удивлялся дару Палмера предчувствовать обстоятельства, способные навредить карьере. В немалое число направлений деятельности отдела транснациональных проблем (для справки, отдел транснациональных проблем занимается анализом различных вопросов, выходящих за рамки отдельно взятой страны или региона и относящихся, как правило, к одной из четырёх основных групп: оружию, иностранным технологиям, экономической безопасности, общественным конфликтам) наряду с прочим входила и экспертиза иностранных достижений в области информационных технологий и телекоммуникаций с целью защитить национальную инфраструктуру США от возможных атак и предотвратить нежелательные технологи-

ческие сюрпризы. Так что подтвердись версия спецов о прорыве в компьютерных технологиях, их отделу предстоит давать заключение о том, каким боком новшество может быть использовано против Америки. И не дай Бог, делая экспертизу, упустить какое-либо существенное направление применения, поскольку, случись что непредвиденное, на них, а точнее на начальника отдела, повесят всех собак.

Барлоу были прекрасно известны негласные принципы внутренней работы ЦРУ, присущие любой разветвлённой структуре, так или иначе нацеленной на общий результат, в особенности административной части, где каждый сотрудник стремился сделать карьеру. Уйти от ответственности, переложив её на чужие плечи, вместе с ворохом работы, но умудриться приписать себе основную долю успеха, случись таковой, это был «высший пилотаж» затеваемых интриг. Козла отпущения здесь начинали готовить заранее, задолго до наступления развязки событий, так что надо было держать ухо востро, чтобы не оказаться в этой незавидной роли. К сожалению, только в кино работники их ведомства представляли собой единую команду, на деле это был тот ещё «зоопарк», в котором приходилось обдумывать каждый шаг, взвешивать сказанное, оглядываться и прислушиваться, а при необходимости показывать зубы.

Палмер взглянул на часы: до совещания оставалось пятнадцать минут.

- Пора, - он решительно поднялся из кресла. – Криста, мы

с Кельвином на совещании.

Воспринимать всерьёз назидания директора ЦРУ Барлоу не собирался. Последнее время на этот пост нередко попадали люди, не имеющие прямого отношения к разведке. Политики стали использовать его в качестве трамплина для прыжка на более значимую государственную должность, а то и в президентское кресло. Именно к такой категории относился их нынешний босс. Его негодование было понятно: в вынашиваемые планы не входили громкие скандалы, требовались значимые положительные результаты, а здесь такой конфуз, затронувший президента.

Сопоставляя известные факты, Кельвин в очередной раз почувствовал, что сфальсифицированная телепередача таит в себе скрытую угрозу, точнее, не сама, а нечто, неразрывно связанное с ней. Понимание этого вот уже не первый раз пробивалось к нему из глубин подсознания, но в чём состоит эта угроза, опираясь на свой интеллект, он так и не мог понять.

Для дальнейшего анализа ему требовалась вся возможная информация о самой передаче и о том, как она попала в эфир. Также хотелось знать, испытывает ли кто-либо из присутствующих схожие опасения. Перебирая в голове варианты дальнейших действий, он терпеливо ждал, когда закончится пустая болтовня и совещание войдет в рабочую фазу. Наконец господин директор уgomонился с назиданиями и дал указание заместителю по науке и технике доложить, что

известно о технической стороне инцидента. Кельвин превратился в слух.

Сначала Альфред Петерсон подробно отчитался о том, как продвигается экспертиза оказавшегося в эфире материала. К сожалению, Кельвин не услышал ничего нового, в сравнении с тем, что поведал Бред: отличить фальшивку от реальной съёмки пока не удалось.

Зато другая часть доклада оказалась для Кельвина более чем интересна. Она касалась кибератаки, вследствие которой инцидент стал возможен. Началось всё с безобидного письма, пришедшего якобы из банка на компьютер финансового директора телеканала. Естественно, оно было проверено, и в нём не нашли ничего, что бы могло представлять угрозу. Всё самое невероятное произошло в момент открытия: одна из стандартных программ, установленных на компьютере, дала толчок, под воздействием которого обычный текст, содержащий ряд цифр, используя прочее программное обеспечение, моментально превратился в вредоносную «штучку», блокирующую возможность сотрудников телеканала управлять любым из включенных компьютеров, для доступа к ним теперь требовался неизвестный код. В то же время тот, кто проводил атаку, получил над компьютерами полный контроль.

После того как ролик пошёл в эфир, блокировка управления была снята, вероятнее всего, для того, чтобы продемонстрировать возможности. Компьютерщики телеканала так и

не смогли ничего сделать. У них сложилось общее ощущение, что за их действиями попросту следили, успевая предпринять контрмеры: новые команды поступали на компьютеры с такой невероятной скоростью, которую нереально достичь, используя обычные устройства ввода. Создалось впечатление, что управление компьютерами из сети осуществлялось с помощью мысли.

- Впечатление? Или, не дай Бог, так оно и было? - подумал Кельвин, отчётливо осознавая, какую гремучую смесь представляет сочетание такого интерфейса с системами управления вооружениями.

Далее Петерсон поведал о том, что до того, как компьютеры были обесточены, вредоносное программное обеспечение вновь обрело форму безобидного письма, и сколько спецы ни пытались понять, каким образом была осуществлена эта метаморфоза, постичь её механизм так и не удалось. В заключение он отметил, что все перечисленные обстоятельства свидетельствуют о существовании прорыва в компьютерных технологиях и что аналитикам следует понять, каким образом этот прорыв может быть использован против Соединённых Штатов.

- Вот зараза, - подумал Кельвин, - сами обделались, не решив ни одного технического вопроса, зато дают указания, что должны делать мы.

Барлоу без труда раскусил психологический трюк Петерсона: эта тёртая лиса выстроила доклад таким образом, что

в памяти надёжно отпечаталось лишь окончание, где речь идёт о задаче, которую должны решать другие. Тем самым он ловко перевёл мяч на половину поля Разведывательного директората, а ещё точнее, именно их отдела.

- Нет, дружище, не всё так просто, - Кельвин уже знал, каким образом отпасует Петерсону, - не с теми игру затеял.

За годы службы в разведке Барлоу научился не терять самообладания. Его лицо отражало простое присутствие, хотя в голове шла напряженная работа. Полученная информация подтверждала наихудшие предположения о трансляции, но ни на йоту не приближала к ответу на вопрос: кто за этим стоит? Пытаясь найти зацепки, позволяющие ответить на него, он мысленно вывалился за пределы совещания.

- Кельвин, а вы что думаете по этому поводу? - вернул его обратно мягкий вкрадчивый голос.

Слегка улыбаясь, на него смотрел зам. директора по операциям (руководитель Оперативного директората), холодные серые глаза, казалось, заглядывали в самую душу. Именно за этот взгляд в те далекие времена, когда он только начинал службу, его и окрестили рентгеном. Редко кому удавалось чувствовать себя уверенно, общаясь с ним. Но это был, пожалуй, единственный человек на совещании, к которому Кельвин, не опасаясь, повернулся бы спиной или, как говорят русские, с которым пошёл бы в разведку, точнее, ходил. Под руководством Стивена Кроуфорда Кельвин работал в Союзе. Теперь его бывший начальник вполне заслуженно

занимал свой нынешний высокий пост, олицетворяя собой живую легенду ЦРУ.

- Полагаю, кибератака и трансляция - начало сложной игры, затеваемой против нас, - произнёс Кельвин, слегка застигнутый врасплох. - Роберт Палмер подготовил доклад по этому поводу.

- Вы в курсе? - Кроуфорд прекрасно понимал, что Кельвин попытался осуществить рокировку, дабы не задевать самолюбие начальника, но он также знал, кто на деле ведущий аналитик в отделе, и ему было плевать на формальности. - Продолжайте.

- Всё это мало походит на шалости хакера-одиночки. Хотя, - Кельвин на мгновение задумался, - гении рождались и рождаются. Безусловно, за всем этим стоит талантливый человек, но в наше время подобное открытие сложно утаить, если только оно не сделано под контролем государственных структур.

- Согласен.

- Отсюда уверенность: это операция противной стороны. Но какой? И какова её цель? Эти вопросы остаются открытыми. Думаю, готовится нечто серьёзное, раз они решили засветить новые наработки в компьютерных технологиях.

- Что это может быть?

Кельвин прикрыл глаза и сдвинул плечи:

- Не знаю. Пока не поймём кто и не возьмём их под контроль, шансов разобраться в том, что задумано, практически

нет.

- По поводу кто, есть хоть какие-то соображения?

- Попробовали сопоставить заинтересованность различных стран в отвлечении наших спецслужб от проводимых мероприятий. Вероятность того, что именно в этом состоит цель первого этапа проводимой операции, очень высока. Есть сравнительная таблица с аргументацией, - Кельвин глазами указал на папку, лежащую перед Палмером, - но это чистой воды аналитика, без доказательств.

- Это уже кое-что, подробнее ознакомимся позже. А в трёх словах?

- Ничего нового – Китай, Япония, Россия, - Кельвин буквально дал ответ в том виде, в каком просили.

- Значит, пока работаем по трём направлениям, - подытожил Кроуфорд.

- Полагаю, и остальным расслабляться не стоит, это ведь только предположение, хотя и с высокой степенью вероятности, - напомнил Кельвин.

- Думаю, вы правы, - Кроуфорд на мгновение задумался, и Кельвин решил воспользоваться моментом, лишив хитрюгу Петерсона спокойной жизни.

- Если бы была возможность отличать их фальшивку от реальной съёмки, - задумчиво произнёс он, беря паузу.

- То что? – вернулся к разговору Кроуфорд.

- Возможно, такие «мультики» используются не впервые, пошерстили бы скандальные случаи с видео, глядишь, и на-

шли бы, откуда ноги растут.

- Неплохая мысль, Барлоу.

Кельвин краем глаза заметил, как на лбу Петерсона выступила испарина. Неожиданно к разговору подключился господин директор, решив блеснуть интеллектом.

- Русских можно исключить, - ошарашил он присутствующих, - холодная война позади, они повержены, их лучшие научные кадры работают у нас или в Европе, в своём нынешнем положении они не способны на какой-либо прорыв.

- Выходка, что ты вообще знаешь о русских? - подумал про себя Кельвин.

После службы в России Барлоу был уверен: окончательно победить русских попросту невозможно. Согнуть, надломить, загнать в угол, из которого, казалось бы, нет выхода, — да. Но лучше этого не делать, поскольку внутренние резервы этого народа раскрываются лишь тогда, когда другие уже сваливаются в пропасть безысходности. Это как с болевым порогом: у одного человека он низкий, и боль сразу парализует волю, другого можно рвать на куски, но он не теряет самообладания. Именно в безвыходных ситуациях у русских появляется энергия, позволяющая им буквально сметать всё на своем пути. Но страшнее всего непредсказуемость, с которой они действуют в таких случаях, не щадя ни себя, ни врагов, оказываясь в итоге на ступень выше уровня, с которого началось их падение. Барлоу полагал, что их вообще следует ограждать от критических ситуаций, навязывая тем

самым состоянием застоя.

Что касается крушения СССР, Кельвин был убеждён, что это результат внутренних причин. Здесь он придерживался позиции одного забавного русского, фигурировавшего в их разработке под кодовым именем «марксист». Этот чудак, изучив марксизм, нашёл в нём ключевую ошибку, а устранив, выстроил новую социально-экономическую теорию, опираясь на которую предсказал развал Союза. В итоге историческая практика подтвердила его выводы, и это обстоятельство значило для Барлоу куда больше, чем пустые утверждения о победе в холодной войне.

Наиболее же наивным предположением в высказываниях директора была мысль об утечке мозгов. Конечно, если смотреть на проблему поверхностно, утверждение выглядело верным. Вне сомнения, определенный научный потенциал они потеряли. В погоне за материальным благополучием из страны выехала значительная часть облаченных учёными званиями специалистов, но, как правило, среди них не было тех, чьи идеи взрывают доминирующие научные представления. Это был своего рода балласт, паразитирующий на науке, с которым не жаль было расстаться. Они присваивали друг другу степени и звания, затирая и обкрадывая людей, действительно двигавших науку вперед. А вот эта наиболее дееспособная часть учёных, официально не признанных, осталась в стране.

Пребывая в мире своих идей, они обладали столь мизер-

ными материальными потребностями, что их сложно было оторвать от работы, не говоря уже о том, чтобы выманить из страны, которой на данном этапе их изыскания были абсолютно не нужны. Государство их попросту игнорировало. Но государство и Родина - не одно и то же. В результате, недолюбливая, а порою ненавидя государство, они хранили преданность Родине. Это и был тот скрытый научный потенциал, способный в случае необходимости дать мгновенную отдачу. Не принимать его в расчёт было более чем наивно. Кельвин достоверно знал, что Российские спецслужбы время от времени выуживали из него необходимых для дела специалистов.

Барлоу потерял интерес к совещанию: полезная для аналитики информация была озвучена, сейчас важнее было пообщаться с нужными людьми из научно-технического директората и компьютерщиками телеканала.

Наконец совещание закончилось. Они с Палмером направлялись к выходу, когда его окликнул Стивен Кроуфорд, беседовавший с Петерсоном.

- Кельвин, сейчас у меня пара неотложных дел, через полчаса жду у себя, есть разговор.

Всё это прозвучало как распоряжение, не терпящее возражений. Хотя Барлоу и не был подчинённым Кроуфорда, он осознал: намеченные дела пока придётся отложить, Стивен никогда не дёргает людей по пустякам. Кивнув в ответ, Кельвин развёл руками, давая понять Палмеру, что некото-

рое время будет отсутствовать. Роберту, естественно, не понравилось, что Барлоу вызвали на аудиенцию, минуя его, но перечить Кроуфорду было себе дороже.

Глава 4.

Неожиданное предложение.

В приёмную Кельвин вошёл за пару минут до назначенного времени. Его встретил крепко сложенный мужчина среднего роста, с уже обозначившейся проседью в волосах.

- Кельвин Барлоу? – спросил он скорее для формы, поскольку по поведению было понятно: знает посетителя в лицо.

Кельвин, имея великолепную память, был уверен, что никогда прежде не встречал этого человека.

- Мы знакомы? – Барлоу сделал вид, что пытается вспомнить собеседника.

- Нет. И вы это прекрасно знаете, не правда ли? – дружелюбно ответил незнакомец. - Проходите, шеф уже ждёт.

- Человечек-то не простой, умеет Стив подбирать людей, - подумал Кельвин, переступая порог кабинета.

- Вижу, познакомились, - лукаво улыбаясь, Кроуфорд же-

стом предложил Кельвину кресло напротив.

- У меня такое чувство, что он знает меня давно.

- Ещё бы! Никол частенько прикрывал тебя у русских.

Кельвин на какое-то мгновение впал в оцепенение. В работе с наружкой КГБ его считали одним из лучших. Даже в бурлящей толпе он без особого труда вычислял приставленные к нему «ноги», используя порой одному ему ведомые психологические приёмы. А уж в вопросе «оторваться от хвоста» ему и вовсе не было равных, поскольку всегда придумывал новый остроумный ход.

- Не может быть, - Барлоу до сих пор не верилось, что они ни разу не срисовал неоднократно сопровождавший его объект.

- Может, может. Да ты не расстраивайся, у каждого своя работа: кто-то должен думать и действовать, а кто-то делать так, чтобы ему не мешали.

Кельвин знал о манере Кроуфорда начинать серьёзную беседу с разговора на отвлечённую тему, таким образом Стив располагал к себе собеседника, снимая с него излишнее напряжение, но между ними, по крайней мере, так полагал Бар-

лоу, такие реверансы были ни к чему.

- Знаю, что на совещание прибыл с самолёта и времени, чтобы переварить всё как следует, не было.

- За мной следят, - шутя вставил Кельвин, указав головой на дверь, но Кроуфорд, подняв руку, оборвал его, давая понять, что разговор входит в серьёзное русло.

- Навскидку, чем могут грозить нам их новые наработки?

- Голова идёт кругом. Направлений не мерено, даже если не брать в расчёт мелкие пакости.

- И всё-таки?

- Можно, к примеру, на время парализовать работу банка, вбросив письмо, подобное тому, каким взломали сеть телеканала. Прерванные взаимозачётные операции запустят цепную реакцию, последствия будут определяться тем, что за банк и в какое время атакован. Если не остановиться на этом, скоординировав подобные акции против ведущих банков страны, есть возможность, при желании, парализовать всю финансовую систему, конечно, на время. Причём продвигать это можно сколь угодно часто. Банки не могут не принимать корреспонденцию от клиентов и партнеров. По-

следствия, думаю, вы представляете. Добавьте сюда биржи, железную дорогу, аэропорты. В целом, пока технари не найдут противоядия, мы сидим если не на пороховой бочке, то на электрическом стуле, рубильник от которого Бог знает у кого в руках.

- Благо, системы управления ядерным оружием и космическими объектами, а также войсками защищены от этой напасти локальными сетями.

- Не обольщайтесь, достаточно найти способ подключиться к ним, скажем, через внедрённого агента, и в нужный момент шашка в дамках.

- Умеешь ты успокоить.

Кельвин давно не видел Кроуфорда таким озабоченным. Барлоу не был сторонником сгущать краски, он описывал ситуацию такой, какой она виделась.

- Кстати, насчёт видеоролика... Сейчас не стоит поднимать этот вопрос, но, по сути, пока нет возможности отличать фальшивку от реальной съёмки, ни один видеоматериал не может быть с полной гарантией использован в суде в качестве средства обвинения или защиты. Помимо этого, меня беспокоит та скорость, с которой, по мнению работников

телеканала, во время атаки на компьютеры вводились новые данные и команды. Столь скоростной интерфейс противника ставит все образцы вооружения с компьютерным управлением вне конкуренции. Пока наши операторы будут двигать джойстиками и нажимать кнопки, их оружие уже будет обстреливать цели, а на поле боя потерянные секунды или даже доли секунды многого стоят.

Стивен поднял руку, давая понять, что этой информации для него достаточно.

- В целом, ты подтвердил опасения, но я пригласил тебя не только для этого, - Кроуфорд задумался, но тут же продолжил, - не исключено, что это русский след. Чтобы подтвердить или опровергнуть, там, у них, требуется проделать непростую работу. Пока и мыслей нет, как докопаться до истины, но безвыходных ситуаций не бывает. В Москве нужен человек, способный решить эту задачу.

- Хотите посоветоваться насчёт кандидатуры? Увы, пас, вы лучше знаете своих сотрудников, тем более, как выяснилось, я не знаю даже тех, с кем плотно работал, - Кельвин намекнул на Никола.

- Кельвин, это ты у русских научился?

- Чему? – Барлоу изобразил недоумение.

- Как там говорят, - Стивен вспомнил почти моментально, - включать дурака. Ведь понял, что отправить в Москву намерен тебя?

- Здорово. Пойди, Барлоу, туда, не знаю куда, найди то, не знаю что, но чтоб к утру было. Стив, это же чистой воды подстава. Скажи честно, чем не угодил, - когда Кельвин был крайне возмущён, он иногда нарушал субординацию.

- Не перегибай палку, - Кроуфорд улыбнулся. - Куда сходить, тебе сказали. Что касается остального... Кельвин, я же вменяемый человек и понимаю, что, может, ничего и не получится, и в том не будет твоей вины, но если этого не сделаешь ты, этого не сделает никто.

Это был удар ниже пояса. Кроуфорд в своё время великолепно изучил Кельвина: отказываться от осуществления практически невозможного было не в его правилах, не решаемые головоломки лишь разжигали азарт, а оказываемое доверие подливало масло в огонь. Хороший разведчик при необходимости должен быть дипломатом, и Стивен Кроуфорд был им, ловко направив ситуацию в нужное для него русло.

- Необходимо твоё принципиальное согласие. Хотя можно сделать так, что выбора не будет.

- А он есть? - подумал Кельвин, кивком давая понять, что согласен. - А как быть с мнением директора о России?

- Для него ты будешь решать в Москве иную задачу. Кстати, это страховка на случай неудачи. С твоим руководством всё согласуем. Работать будешь под дипломатическим прикрытием: рисковать таким специалистом не имеем права, хотя там сейчас на порядок проще, чем прежде.

Глядя в глаза Стиву, Барлоу, покачив головой, рассмеялся.

- В чём дело, Кельвин?

- Да так, ничего. Съездил в отпуск, - сказал он с нескрываемым чувством досады.

- Необходимые бумаги и всё прочее будет готово через неделю, так что можешь оторваться на полную катушку, но только в пределах этого срока. Большого дать не могу, сам понимаешь.

- Спасибо, уже не надо. Какой отдых? Теперь этот гад по-

коя не даст, - Кельвин постучал себя по лбу указательным пальцем.

- Ты о ком? – забеспокоился Кроуфорд.

- О биопроцессоре. В стрессовых ситуациях отказывается отключаться и перезагружаться, иногда даже спать не даёт.

- Что, настолько серьёзно? - улыбнулся Стив. - Собственно, для решения нашей задачи это совсем не плохо. Чем собираешься заняться до отъезда?

- Необходимо просмотреть весь видеоролик: до сих пор видел лишь фрагмент. Не мешало бы пообщаться с работниками телеканала: хочу понять, всё ли было так, как они говорят. Кроме того, нужны консультации спецов из Научно-технического директората, но боюсь, Петерсон будет ставить препоны.

- Не будет. Я уже говорил с ним на эту тему, как раз когда ты с Палмером выходил из зала заседаний.

Услышав это, Барлоу в очередной раз осознал, что он лишь пешка в руках Кроуфорда, наперёд просчитывающего все ходы в разыгрываемой партии.

- Кстати, Никол едет с тобой.

- Для чего? – задавая вопрос, Кельвин не скрывал раздражения.

- Да не кипятись! Человек поступает в твоё полное распоряжение. Там могут возникнуть сложные ситуации, а он своего рода универсал, способный выполнить любое задание, - Кроуфорд поднялся с кресла. Это означало, что разговор окончен. - Документы и необходимые инструкции получишь в день отъезда, а пока извини, дела.

Глава 5

Товарищ генерал

«Мерседес» с мигалкой, миновав ворота госпиталя, плавно притормозил у парадного крыльца. С переднего пассажирского сиденья резво выпрыгнул коренастый парень и, зорко оглядевшись вокруг, открыл заднюю дверцу.

- Володя, ждёшь меня здесь, – выбираясь из машины, сказал Кондратьев и, поправив китель, степенно зашагал по ступенькам.

Максим Ильич редко надевал мундир, предпочитая строгие, но стильные костюмы. Однако нынешняя миссия требовала пребывания в форме. Палата, в которой лежал Богатов, располагалась на третьем этаже, но он не стал подниматься на лифте, а направился к лестнице. Максим, как мог, оттягивал предстоящий разговор, понимая всю сложность ситуации. С одной стороны, шёл с хорошей новостью, имея козырь в рукаве, вернее, неся в нагрудном кармане. С другой - знал, что не вправе раскрыть все карты, а это в отношении друга сродни предательству.

Саня Богатов всегда и во всём был способнее и умнее, а стало быть, скоро, довольно скоро докопается до истины. И

что тогда? Максиму даже думать об этом не хотелось. Потерять друга? И ради чего? Но он не мог поступить иначе: его прижали. Смешно подумать. Кого? Генерала контрразведки! А ведь Сашка предупреждал, что рано или поздно это случится. Вот сам-то он кристально чист, к нему, как говорится, и комар носа не подточит.

Шагнув на последнюю ступень, Максим Ильич почувствовал, что чертовски устал, но не от подъёма, а от навалившихся проблем. «Всё, разрулю это дело и на покой, тогда поймёт и простит», – клятвенно пообещал Кондратьев, прежде чем открыл дверь палаты. Увидев друга, он искренне улыбнулся:

– Что, бездельник, отдохнул? Медсёстры у вас тут и впрямь одна краше другой. Пока шёл по этажу, грешным делом подумал, а не прострелить ли ногу, чтобы под их присмотром месячишко поваляться.

- Смотри, чтобы от их присмотра в реанимацию с инфарктом не загреметь, аль забыл, сколько тебе годков, кот шелудивый? Не для них ли вырядился? – Богатов кивнул на генеральский китель.

- Это ты зря. Неспроста в народе говорят: «Седина в бороду – бес в ребро».

- Конечно, а бес в ребро, мозги из башки прочь.

- Саня, а зачем генералу мозги? – намекнул Кондратьев на старый армейский анекдот, и они вместе рассмеялись. – Ладно, шутки в сторону. Полежал, отдохнул, пора выходить на службу.

- Максим, у тебя и впрямь что-то с головой. Я уже полмесяца как за штатом, со дня на день будет приказ об увольнении.

- Приказ-то есть, только не об увольнении, а о присвоении. Вот копия, - Кондратьев достал из внутреннего кармана вчетверо сложенный лист бумаги и протянул Богатову.

Видя, как изменилось лицо друга, Максим Ильич понял, что Сане эта новость не в радость. Желая разрядить обстановку, ещё раз нырнул в карман и извлёк оттуда новенькие генеральские погоны с одной звездой.

- Почти как те первые, лейтенантские, помнишь, Саш? – спросил он с явной грустью в голосе. – Держи, заслужил. И вообще, не понимаю: вы чем-то недовольны, господин генерал?

- Раз уж так, то товарищ. Товарищем начал, товарищем и

закончу, – в голосе Богатова зазвенел металл.

- Да не цепляйся к словам.

- Максим Ильич... а что случилось?

«Вот и началось, - подумал Кондратьев, - сейчас будет допрос с пристрастием, не ляпнуть бы лишнего».

- Саша, что касается меня, я бы давно присвоил тебе генерала, кто-кто, а ты заслужил.

- Так ведь не присваивали и не присвоили бы. В чём же дело?

- Изменилась ситуация, причём в твою пользу.

- Максим Ильич! Хватит темнить.

- Да что ты зарядил: Максим Ильич, Максим Ильич, - взбеленился Кондратьев (он терпеть не мог, когда в неофициальной обстановке Богатов называл его по имени отчеству). – Янки что-то затевают, их агентура активизировалась не на шутку, лезут изо всех щелей, как тараканы.

- А вы их дихлофосом, хорошим, импортным, - не удер-

жался, чтобы не съязвить, Богатов. - Я-то тут при чём?

- Похоже, ищут что-то, - Максим пропустил колкость друга мимо ушей, - а вот что, понять не можем.

- Тогда ясно, - почти серьёзно произнёс Сан Саныч, пряча лукавую улыбку в уголках глаз.

- Что тебе ясно?

- Раз не можете понять, что ищут, стало быть, вещь ненужная. А коль найдут и стащат задарма, так жаба ж замучает: без навару оно ж теперь никак.

- Нет, я с ним серьёзно, а он шутить изволит.

- Какие шутки, Максим? Или берёшься утверждать, что страну, которой присягали, не растащили по кускам?

- Да ну тебя, - Кондратьев махнул рукой, делая вид, что обиделся.

- Но дело-то, собственно говоря, не в этом.

- А в чём?

- Давайте-ка, господин генерал-лейтенант, прикинем, что мы имеем в сухом остатке, - продолжал язвить Богатов. – Противник готовит или уже начал проводить некую акцию или операцию, цель которой не ясна. Стало быть, каким боком она вывернется, никому не ведомо. Налицо полная некомпетентность компетентного органа, за которую кому-то придётся отвечать. Нужен стрелочник. Но в данном случае майора или подполковника под паровоз не бросишь, требуется фигура посolidнее. Самим-то на рельсы ой как не хочется. И приходит ребятишкам мысль простая, но верная. А не взять ли строптивного полковника, почти пенсионера, нацепить на него генеральские лампасы и озадачить тем самым дельцем, возложив полную ответственность. Вывернется - повезло, а нет, так в тот момент, когда та самая птичка клюнет в известное место, ему под зад коленом, как не справившемуся с порученной работой. В итоге все свои целы, а строптивцу, вместо спокойного выхода на пенсию, увольнение по служебному несоответствию. А вдобавок прочим пример в назидание, чтобы не пытались, находясь в системе, жить не по её законам. Премного благодарен, барин, за подарок, - Богатов с издёвкой отвесил Кондратьеву земной поклон.

«Слава Богу, пока не знает всей правды, - думал Кондратьев. - А то швырнул бы погоны в морду, и был бы прав. Пока... Сколько продлится это пока? Во всяком случае, истина

раскроется не раньше, чем выйдет на службу и возьмётся за дело, а там его уже ничто не остановит».

- Ты о чём задумался, друг? – слово «друг» Богатов произнёс с такой интонацией, что Максима покорило.

- Саня, во многом ты прав. Но я уверен, что докопаешься, для чего мутят воду и какую рыбку ловят. Откровенно говоря, там, - Кондратьев поднял указательный палец вверх, давая понять, о ком идёт речь, - ждут именно такого исхода.

- А кто бы сомневался? Ждут они! Господи! С кем приходится работать? – со стоном, исходящим из самых глубин души, произнёс Богатов, и в миг этого неосознанного, но искреннего упоминания о Боге его озарило. Все зигзаги судьбы неслучайны: его подвели к чему-то важному, чего он не может не исполнить, и связано оно с взваливаемым на него делом. Понимание этого буквально влилось в него истиной, не требующей доказательств. Поражённый прозрением, Богатов, не мигая, смотрел перед собой.

- Саня, что с тобой? Тебе плохо?

- Да нет, уже полегчало.

Повернувшись к другу, он рассмеялся.

- Максимушка, - слова лились из него с явной издёвкой, - а представляешь, сколько меня терпеть то придётся, если их ожидания, - он поднял палец, копируя Кондратьева, - сбудутся. А с примером в назидание как быть? Ты пока подумай, а я быстро соберусь, подкинешь меня домой. В Управлении буду завтра утром. Или на службу надо немедленно? А то могу! Не беда, что в пижаме, погоны-то есть!

Глава 6

Тень прошлого

Кельвин в третий раз прокручивал злополучный ролик, и с каждым разом осознание того, что прежде он уже слышал этот монолог, нарастало в нём с новой силой. Ранее ему неоднократно приходилось читать в прессе и в интернете негативные высказывания об Америке, а так же видеть по телевидению выступления подобного толка, так что озвученные здесь мысли были не новы. Барлоу старался не воспринимать их. Его занимала логика, её переливы, стиль, особенности фраз – они были ему не просто знакомы. Память лихорадочно работала, пытаясь отыскать ответ, где и от кого он их слышал? Но его не было, хотя Кельвин чувствовал, что подошёл к грани, за которой истина вот-вот откроется.

- Стоп! Это же «марксист»... Как я сразу не понял? Выходит, на совещании он припомнился неспроста. Подсознание догадалось, ему хватило увиденного фрагмента, вот только достучалось лишь теперь. Всё-таки русские... Да, чутьё у Стивена волчье. А если нет, и нас намеренно пускают по ложному следу, пытаясь выиграть время?

Вопросы и сомнения, сгущаясь и накапливаясь, всё плот-

нее обступали Кельвина. Поднявшись со стула, он принялся неторопливо расхаживать по комнате – это помогало думать: «Ерунда, зарядить ролик высказываниями «марксиста», чтобы подсветить русскую версию? О нём мало кто знал, только наша группа в три человека, потом направление и вообще свернули, посчитав неперспективным. Правда, некоторое время я продолжал его ковырять из личного интереса. А может, – Кельвин вспомнил о Николе, – был кто-то ещё, не спускавший меня с короткого поводка, тогда информация о моём увлечении у них была. Но использовать её спустя столько лет, чтобы подsunуть дезу?! Нереально! Во-первых, я вообще мог оказаться в стороне от этого дела; во-вторых, очень рискованно предполагать, что спустя столько времени в фальсифицированном выступлении я распознаю первоисточник. Бред. А главное, перевести стрелки можно проще: скажем, оставив концы кибератаки на российской стороне. Грубо, но надёжно. Если и не поверим, то вынуждены будем отработать версию, а там можно вбросить липовое доказательство, и пошло-поехало.

А если это не попытка подставить русских, а они сами? Как минимум, один изготовитель ролика хорошо знаком с «марксистом», это факт. Перенести колорит и стиль его речи на фальшивку, не общаясь с ним, а лишь прочитав работы, невозможно. Если они изначально заинтересованы заставить нас копать во многих направлениях, оставлять «визитку» им не резон. Тогда выходит, что знакомец «марксиста»

без задней мысли использовал оказавшийся полезным материал, полагая, что нашей стороне сей персонаж неведом, и прокололся. А почему нет? Горят именно на мелочах.

А если не всё так просто, и русские решили не пассивно выиграть время, а втянуть нас в некую игру, поводить за нос? В этом случае лучший вариант – выход на Кроуфорда, при нынешнем директоре именно он ключевая фигура ЦРУ. Зная о наших с ним отношениях и моём прошлом увлечении, они реализуют тонко продуманный ход. Кибератакой и трансляцией создают проблему, от которой Кроуфорду не отмахнуться, а, вставив в ролик мысли и риторику «марксиста», полагая, что я их распознаю, решают две задачи. С одной стороны, вбрасывают довод за то, чтобы куратором в Москву отправили меня. Им нужен человек, которому Стив доверяет полностью. Толкнув его на ложный след, можно разыграть неплохую партию. С другой – определяют отправную точку наших поисков – «марксиста», поскольку лишь через него можно выйти на людей, имеющих сведения о проводимой операции, сначала на того, кто готовил текст ролика, а там дальше. На настоящий момент это единственная ниточка, ведущая к истине, однако здесь немудрено и самому попасть на искусно заточенный крючок. Безусловно, глотать такую наживку не стоит, разве для вида, чтобы понять, чего хотят. Но сколько уйдёт на это времени и есть ли оно у нас?». ».

Барлоу пытался предусмотреть самые разнообразные варианты событий, хотя прекрасно понимал, что это невозможно и на деле ситуация способна оказаться в рамках непредвиденного сценария. И всё же вероятность того, что он нащупает нужную версию, была. Поэтому он старался не упускать из поля зрения даже самые нереальные предположения.

«А что, если эта телетрансляция совсем не то, о чём мы думаем? – очередная мысль настойчиво втиснулась в его рассуждения. – Возможно, талантливому одиночке удалось отыскать гениальное техническое решение. Не имея имени и связей, продать разработку в нынешней России проблематично: отнимут или заплатят гроши. Вот он и надумал таким способом заявить о себе, авось, что выгорит. Сложно? Пожалуй. Проще выехать из страны, на вывоз головы запрета нет. А вдруг он беден как церковная мышь? Вполне реально. Денег на загранпаспорт, морока с визой, билеты нет. Взломать банк для него не проблема. Хотя, чтобы жить спокойно, желательно получить кругленькую сумму, не преступив закон. К нам он не собирается, такой пиар его достижений у нас уголовно наказуем. С другой стороны, он понимает, что отказаться от возможности перекупить открытие мы не сможем и сами станем его искать. Но и русские попытаются не упустить свой шанс. Опередить их непростая задача, да-

же несмотря на то, что он всячески будет стараться не проявиться перед их спецслужбами. Пожалуй, такое возможно, но и в этом случае выходить на него предстоит через «марксиста», с которым он хорошо знаком, раз состряпал такой ролик. Интересно, что их связывает? Проводимые изыскания лежат в разных областях, здесь нет точек соприкосновения, хотя одарённые и увлечённые люди, как родственные души, иногда находят друг друга и без каких-либо причин».

Продумав до конца эту версию, Кельвин решил отдохнуть. До отъезда в Москву оставалось шесть суток, и времени на размышления у него было более чем достаточно.

Глава 7

В начале пути

Шли вторые сутки с момента, как Богатов приступил к исполнению служебных обязанностей. Первый день почти полностью был потрачен впустую, его съели ненужные формальности: представление по поводу присвоения звания, посещение отдела кадров, нескончаемые поздравления и т.п. Лишь ближе к шестнадцати часам удалось выслушать доклады о ходе дел первостепенной важности и отдать некоторые распоряжения. Предстояло во всё вникать заново, пребывание в госпитале не прошло бес следно.

Обременяла работа с бумагами, которых накопилось немало. Присланный исполняющим обязанности полковник Рогозец практически не прикоснулся к ним, словно был уверен, что Богатов вернётся. Взглянув на «канцелярию», Саныч решил поработать допоздна: он не любил оставлять что-либо на потом, поскольку каждый новый день нёс свою порцию проблем и накапливающуюся нехватку времени. Так что к делу, благодаря которому на его плечи легли генеральские погоны, пришлось приступить лишь следующим утром.

Отправив официальный запрос по интересующим вопросам в Службу внешней разведки и зная, что ответ будет не скоро, Богатов решил форсировать события, задействовав

старые связи.

Ровно в тринадцать в кафе на набережной Александр Александрович уже беседовал с человеком, уполномоченным передать ему необходимую информацию. Теперь он был осведомлён о «выступлении» президента Америки по телевидению, о том, как это стало возможным, а также о ходе совещания у директора ЦРУ.

- Что это: реальные события или операция прикрытия - разбираться вам, – подытожил неприметной наружности мужчина, пришедший на встречу. Взяв небольшую паузу и допив кофе, он добавил: – Пожалуй, это всё. Если вы не против, мне пора.

- Да, конечно, – приподнявшись, Сан Саныч пожал протянутую руку и вновь опустился в кресло.

«А что, всё может быть. Теперь, в случае провала, ведущего к международному скандалу, станут утверждать, что искали киберзлодея, посягнувшего на честь страны, и не более. Но это сработает, если сунут нос в область компьютерных технологий, а в них мы отстаём. Тогда какой смысл? Или цель иная: пустив пыль в глаза, отвлечь от истинных интересов. В самом деле, уж больно просто удалось раздобыть столь конфиденциальную информацию, похоже, что ею «по-

дружески» поделились. В то же время их агентура не на шутку взялась обхаживать специалистов, занятых разработкой ПРО (противоракетной обороны), здесь им есть чем поживиться – со своей-то не ладится. Вот только прихватить и предъявить пока нечего, всё на начальной стадии: «случайные» знакомства, «неожиданные» повторные встречи, выстраивание «дружеских» отношений и никакого интереса к профессиональной деятельности. Но руку «на пульсе» они ощущают, а столь плотный контроль «ребятишкам» ни к чему. Вот и готовят штатное мероприятие – резонансное «дело» с шумихой в прессе в надежде оттянуть на него основных сотрудников. Такого подарка им не будет, резервы имеются. А что, если не прикрытие? И некий «Кулибин» таки обскакал звёздно-полосатых, а испытав своё детище, поставил все спецслужбы на уши. В одиночку?... Обойти «заточенные» на компьютерные технологии корпорации и институты? Сомнительно... разве что гений. А такого добра у нас валом, Иван-дурак - не сказочный персонаж. Дурак – не отсутствие ума, а особый, порой непостижимый ум, способный находить решения там, где «копать» и в голову не придёт. Так что всё может быть. Тогда наша задача первыми отыскать этот самородок, не дав им добраться до его наработок».

Достав из внутреннего кармана мобильный, Богатов набрал номер:

- Серёжа (трубку поднял его личный помощник, старший лейтенант Сергей Тубальцев), я возвращаюсь в Управление, к трём часам у меня должен быть Крохин.

Нажав кнопку «отбой», Саныч подозвал официанта и, расплатившись, направился к машине.

Группа Крохина была самой бойкой в отделе, в её копилке было множество виртуозно проведённых операций. Больше всего Богатову нравилось, что все, от командира до последнего новичка, здесь были частью команды; они не просто выполняли поставленную задачу, следуя инструкциям, а приносили в работу нечто сродни искусству. Всё у них выходило гладко и красиво, словно на десятом дубле в кино, а если и случались импровизации, то на них было любо-дорого глянуть. Саныч понимал, что вся эта лёгкость и простота были результатом продуманности действий, подкреплённых кропотливой работой. Именно поэтому самые непростые дела чаще всего он поручал именно им.

Сейчас ему вспомнился день, когда Крохин, тогда ещё майор, проводил первую операцию. Требовалось отследить контакты объекта в людном месте и выявить связного. По оперативным данным, встреча должна была произойти именно на этой площади, у входа в парк. Важно было не засветиться и не спугнуть «клиента».

Поначалу всё шло гладко, как вдруг произошла накладка. Ставить в известность смежников о проводимом мероприятии было нельзя. В то время в милиции уже так «текло», что через полчаса после прохождения информации вся шушера, промышлявшая на площади под ментовской «крышей», была бы осведомлена о присутствии ФСБ. И, как назло, в самый ключевой момент паре сотрудников ППС, направлявшихся к ларьку за пивом, вдруг чем-то не приглянулся «выпасаемый» объект. Они лишь сделали пару шагов в ненужном направлении, как Крохин, сориентировавшись, изменил их планы. Прикинувшись пьяным, он стал шумно приставать к даме, пытавшейся открыть дверь БМВ. Венцом «спектакля» была вынутая из кошелька купюра, которую «негодяй» демонстративно пытался погрузить в декольте отбивавшейся от него женщины. Завидев деньги, стражи порядка, не раздумывая, метнулись в его сторону: упустить возможность поживиться они не могли. Потолкавшись с ними для вида, Виктор позволил застегнуть на себе браслеты, стерпев удар дубинкой. Только в машине, принявшись обыскивать задержанного, они поняли, с кем имеют дело, когда мгновение назад пьяный подопечный, сумев освободить руки, в долю секунды обезоружил обоих. Водитель было потянулся к табельному оружию, но, увидев направленный на него «весомый аргумент», решил подчиниться. Машина через минуту покинула площадь, увозя «задержанного», и ситуация была спасена.

Богатов не торопясь вводил Крохина в курс дела, стараясь не упускать деталей.

- Витя, это лишь версия, но её нужно отработать по полной. Если такой человек существует, мы должны добратся до него первыми. Не мог он не оставить следов, возможно, где-то уже было подобное со взломом сервера или с видео. Как-то же он опробовал промежуточные варианты своего творения.

- Башка у него работает. И если надумал валить за бугор в надежде заработать, то понимает: «светиться» ему здесь незачем.

- Заработать? С таким «ключиком» деньги не проблема. Организует сбой программы в солидной конторе и под шумок выведет любую сумму. Отщипывая понемножку - никто и искать не станет, спишут на технические издержки.

- Выходит, есть смысл потрясти компьютерные отделы банков, выяснить, как часто подобное случается. Найдём систему – появится ниточка. Стоит пошерстить хакеров. Им о событиях такого рода и друг о друге много чего ведомо.

- Это главная часть работы. Раз он мыслит нестандартно,

понять его будет непросто, если вообще возможно. Есть надежда, что коллеги по цеху натолкнут на стоящую мысль. Поработай с ними деликатно, без нажима.

- Сделаем в лучшем виде. Выходы на эту «гвардию» имеются, да и наши спецы кое-что могут подсказать.

- Итак, версию с деньгами обозначили, другой мотив – признание и слава. В этом случае он намеренно засветится в своей среде. Если же им движет нечто иное, вываливающееся за рамки наших представлений, найти его будет нелегко. Допустим самый неблагоприятный вариант: цель действий неясна, несмотря на все наши старания. Что тогда?

- Да будь он хоть трижды гений, не наследить невозможно. Это сейчас осторожничает. А раньше, вынашивая идею? Наверняка, с кем-то делится планами. Без общения оно ж никак... Глядишь, и проявится.

- Витя, начинаем работать. Пока не найдём или не поймём, что это блеф, будем авралить. Докладывать в двадцать ноль-ноль ежедневно, по результатам корректируем действия.

Как только Крохин вышел из кабинета, на пороге вырос Тубальцев.

- Звонил Прудников из МИДа, вы просили не беспокоить, – разведя руками, помощник дал понять, что лишь выполнил распоряжение.

- Серёжа, всё нормально, свяжусь с ним сам.

Оставшись в кабинете один, Александр Александрович по мобильному набрал нужный номер.

- Иван Степанович, добрый день, Богатов. Извините, что не ответил, не было возможности.

- Здравствуй, Саша. Слышал, ты уже генерал.

- Да вот, угораздило.

- А что так? Не доволен?

- Думал, уволюсь, отдохну.

- Лёгкой жизни захотелось?

- А кому не хочется?

- Не надейся.

- Так я уже осознал: вы человек занятой, без дела не звоните. Проблемы? Нужна помощь?

- Проблемы не у нас, а у вас.

- Не понял!

- Через два дня в посольстве США, в консульском отделе, будет новый сотрудник - Кельвин Уорд Барлоу. Тебе это имя ни о чём не говорит?

- «Шахматист»?.. Только его не хватало. Умеее вы, Иван Степанович, обрадовать.

- Что поделать, Саша, работа. Должен был известить. Значит, признал «приятеля». Кстати, почему «шахматист»?

- Причины две. Любит сложные комбинации. Разыгрывает, как продуманную партию. Но это мы не сразу поняли. Поначалу окрестили в шутку: тогда он был Джорджем Фишером, фамилия в шахматном мире известная.

- Учти, теперь этот гражданин – лицо официальное. Максимум, что можем - выслать из страны, но для этого нужны очень весомые аргументы.

- Сомневаюсь.

- В чём?

- Да в том, что даст хоть малейший повод. Хитёр, зараза.

- Помозгуйте, понаблюдайте. Глядишь, и зацепите. Будет что-то конкретное - звони.

Глава 8

Первые новости

Перестраиваясь в правый ряд, Крохин взглянул в боковое зеркало. За ним на почтительном расстоянии семенил повидавший виды «Форд», вплитык к которому катил зелёный «Опель». Выполняя манёвр, подполковник осознал, что сегодня уже видел эту машину. На светофоре перед поворотом он намеренно сбросил скорость: ему нужно было взглянуть на бампер «Опеля». Так и есть, край молдинга завёрнут. Служба, в которой не было мелочей, приучила Виктора машинально запоминать, казалось бы, бесполезные для обычного человека детали. Вот и сейчас наработанная годами привычка принесла неожиданный результат.

- Что это? Случайность или «пасут»? Проверим.

Чтобы ответить на этот вопрос, ему не надо было «нарезать» круги по городу, поглядывая в зеркало заднего вида, необходимая информация уже была в бортовом компьютере, на который работало четыре видеокамеры. При необходимости записи с них могли поступать прямо к ребятам в отдел, но сейчас Крохин посчитал это излишним, решив разобраться во всём сам. Требовалось бегло просмотреть «киношку»,

соответственно, опекуны не должны были ничего заподозрить. Припарковавшись у супермаркета, он купил бутылку ряженки и круассаны, устроив демонстративную трапезу с тщательным пережёвыванием пищи, и через десять минут уже знал, что ведут его три экипажа: тот самый «Опель», тёмно-синяя «Ауди» и довольно резвая бежевая «шестёрка». Надо отдать должное, «катали» грамотно, меняясь по необходимости и пропуская перед собой одну, две, а чаще три машины. Потерять не боялись, чувствовалась школа. «Да Бог с вами, помыкайтесь, коли хочется, - подумал Виктор, - пока не мешаете. Интересно только, чьи вы будете?»

С утра на столе у Крохина лежала увесистая папка с данными лиц, имевших патологическую любовь к «нестандартному» использованию компьютерных технологий. Виктор предполагал, что их много, но не ожидал, что настолько. И это были лишь лучшие в своём деле, чьи умения можно было отнести к разряду «выдающихся». Для того чтобы отработать только их, по скромным подсчётам, потребовалось бы два месяца. Ускорить процесс решили, действуя не парами, а по одному, подобрав «клиентов» с близко расположенными координатами, чтобы не терять времени на пустые мотания по городу. Общий сбор Виктор назначил на девятнадцать, за час до доклада Богатову, за это время он должен был выслушать донесения, переварить и обобщить информацию.

Допив ряженку, Крохин запустил двигатель и взглянул на таймер: в распоряжении было ещё полных четыре часа. Плавнов выехав со стоянки и развернувшись на перекрёстке, он разогнал машину до допустимой в городской черте скорости, направляясь по очередному адресу.

Уже возвращаясь в Управление по окончании последней встречи, Виктор позвонил капитану Кудрявцеву, дежурившему в отделе.

- Лёша! Смотайся к спецам, возьми аппаратуру, нужно почистить «хоромы». Только сделай всё сам.

- Понял, Виктор Степанович, тут наши уже подтягиваются.

- Хорошо, скоро буду.

Через двадцать минут, припарковав машину и скачав видеофайлы, он поднимался в отдел.

Кудрявцев ждал на лестнице.

- Как успехи, Алексей?

- Товарищ подполковник, ну, у вас и чуйка, пять «члени-

стоногих». Давненько такого не было.

- Думаю, это только начало. Держи, - Крохин протянул капитану флэшку. - Мне через час на доклад к Санычу, до этого надо выяснить, что за «орлы» надо мной кружили.

- Попробую, Виктор Степанович. Но так быстро не обещаю, всякое может быть... Да, все в сборе, ждут вас.

Было без десяти восемь, когда, выслушав последний доклад, Крохин засобирався к Богатову.

- На сегодня все свободны. Завтра работаем в прежнем режиме. Кудрявцева ко мне!

Алексей заглянул в кабинет, как только Крохин остался один.

- Вызывали?

- Давай быстрее! Хоть что-то выяснил?

- А то! Плохи ваши дела, товарищ подполковник, — со скорбным видом произнёс Кудрявцев, хотя по нему было видно, что он готов рассмеяться.

- Лёша! Не томи, времени в обрез, – Крохин указательным пальцем постучал по циферблату.

- Виктор Степанович, ... вы под колпаком у ФСБ.

- Значит, свои!... Интересно. Что ж, поиграем в кошки-мышки. Я к генералу, остальные подробности потом.

Богатов выслушал Крохина, не перебивая.

- То, что первый день не дал информации по искомому объекту, нормально. Зато других новостей хоть отбавляй. Давай прикинем, что имеем с гуся. Значит, по «Кулибину» работаем не только мы...

- Первыми шерстить хакеров начали то ли бандиты, то ли чоповцы (сотрудники частного охранного предприятия), уже потом подключился кто-то из наших.

- Не факт, Витя, не факт. При нынешней технике сляпать удостоверение можно левой пяткой в пьяном угаре. Тем более что никто из опрашиваемых проверять его не решится.

- Так-то оно так, но ребятишки все ушлые, нашего брата нюхом чуют, бумажки им ни к чему.

- Забыл, сколько бывших сейчас в частных структурах, поди угадай. Хотя, если учитывать затеянную прослушку и приставленные к тебе ноги, думаю, ты прав. Вот только знать это нужно наверняка.

- Выясним. Для начала поработаем с адресами, где они подсветились, рядом могут быть камеры, глядишь, по записям и всплывёт какая известная личность или машина. Отследим места, где ещё не объявлялись, тупо понатыкав камер. Судя по тому, с чем столкнулись, вычёсывают спецов плотным гребнем. Так что рано или поздно проявятся.

- А если нет? И они оставили эту грязную работу, дожидаясь, пока её сделаем мы? Сколько раз нас пытались использовать втёмную? Заметь, копать начали до инцидента в Америке. Стало быть, «Кулибин» уже где-то обозначился, и информация о нём была, но с нами ею не поделились. Почему?... Думаю, коли это свои, то ищут, преследуя коммерческий интерес.

- Возможно, товарищ генерал. Он вполне мог сгруппировать и подломить банк на значительную сумму, отсюда бандюки и чоповцы. Те сами не справились и подключили наших.

- Или знают, сколько стоит его разработка, на которую уже есть покупатель. Так или иначе, начинайте работать по бан-

кам, необходимые для этого бумаги уже готовы.

- Сан Саныч, объём колоссальный, плюс банки. Проводимся не один месяц.

- Понимаю, Витя, понимаю... Усилю тебя группой Самсонова. Для начала они разберутся с тем, кто переходит нам дорогу. Продумай, где будем устанавливать аппаратуру, и подготовь список адресов, которые уже посетили до нас. Полагаю, с этой задачей им будет справиться проще, поскольку всех твоих, скорее всего, водят, как и тебя, а конкуренты не должны знать, какой гостинец мы им готовим. Кстати, выясни, действительно ли вы все под опекой, от этого будет зависеть, как и где лучше подключать Самсоновцев.

- Завтра разберёмся.

- Да, Витя, если нароете информацию, ни в коем случае не проявляйтесь, продолжайте работать в прежнем режиме, чтобы «пастухи» не догадались, а то уведут результат из-под носа.

- Это само собой, уже учённые.

- Эх! Знать бы наверняка, с какой целью его ищут.

- Можно подсунуть пустышку. Проглотят - вскроются.

- Этот вариант оставим на потом. Есть проблема посерьёзнее. Под видом дипломата в страну въезжает сотрудник ЦРУ.

- Так их и сейчас хоть пруд пруди.

- Он особенный, я бы сказал, гений в своём деле, переиграть его крайне сложно, сыграть на равных уже честь. Прислан неспроста, наверняка будет курировать решение наиболее важной задачи. По тому, за что он возьмётся, и определим приоритет.

- Кто будет по нему работать?

- Поначалу озадачим наружку, пусть поводят, меньше будет времени на вас. Они даже не представляют, насколько это хлопотно, головная боль им обеспечена. А как выясним, что к чему, ты с группой переключишься на главное направление... Сегодня отдыхай, а мне нужно подумать.

Как только Крохин закрыл дверь кабинета, Богатов погрузился в раздумья. В голове витали нехорошие мысли. Он понимал, что кто-то наверху владеет частью искомой информации, на получение которой предстоит потратить уйму време-

ни, как и понимал то, что раздобыть её из этого источника не удастся. Но больше всего обременял вопрос, в курсе ли Максим. Опомнившись, Александр Александрович нажал кнопку селектора.

- Серёжа, - обратился он к помощнику, – я ещё поработаю, а ты ступай домой. «С такой службой, не дай Бог, останется бобылём, как я», - подумал Богатов.

- Так, может, задержусь, мало ли чего?

- Чтобы через две минуты духу твоего здесь не было! Это приказ!

Глава 9

«Марксист»

Барлоу просматривал донесения, посредством которых к нему стекалась необходимая информация. Яценко Григорий Иванович, он же «марксист», был жив и здоров, только заметно постарел. Не спеша перебирая прилагающиеся фотографии, Кельвин прокручивал в голове то, что удалось раз-
узнать на настоящий момент.

Проводимые «марксистом» в течение трех десятков лет изыскания оказались не востребованными, и он прервал работу над ними. Было вообще удивительно, как ему удавалось на протяжении столь значительного времени продолжать начатое без малейших к тому стимулов. Он не был научным работником и двигал своё дело на голом энтузиазме, как правило, в ночные часы, после добывания хлеба насущного. Зачем? Ответа на этот вопрос он не знал. Что-то незримое, сидевшее внутри него, не давало покоя, направляя мысли в исследуемую область. Казалось бы, возьми и брось, но от себя не убежишь. В итоге лишь возраст взял своё, с годами тянуть несколько лямок стало труднее, и он решился поставить точку, точнее, перестал записывать одолевавшие его мысли, но легче от этого не стало.

Кельвин улыбнулся: ему были известны подобные терзания, наваливавшиеся на него в сравнительно короткие промежутки времени, тогда, когда он брался за новое сложное дело. Барлоу отложил фотографии в сторону. Их объединяла непреодолимая тоска в глазах человека, утратившего цель, к которой настойчиво шёл все эти годы. Понимал ли он, что она недостижима? Скорее всего, да. Но, несмотря на это, она существовала, и было, к чему идти. Теперь впереди зияла пустота.

То, что этот пожилой, уставший и глубоко несчастный человек не работает на российские спецслужбы, было очевидно, однако волею случая он оказался зацепкой, дававшей Барлоу шанс разрешить стоящую перед ним задачу. В первую очередь следовало выяснить, определена ли эта роль простым стечением обстоятельств или является частью продуманного плана. Если это операция русских, то возле «марксиста» должна болтаться ниточка, потянув за которую, угодишь в мышеловку. Если нет, отыскать выход на человека, приправившего выступление «президента» риторикой Яценко, будет непросто.

Кельвин выделил здесь два направления. Согласно первому, следовало выяснить, нет ли среди знакомых «марксиста» действующего сотрудника СВР или ФСБ, который, в рамках одной из версий Барлоу, случайно использовал подходящий для дела материал. Во втором случае в его окружении следо-

вало разыскать человека, имеющего отношение к разработке компьютерных технологий. Иными словами, предстояло просеять через мелкое сито все связи.

Взялись выяснять всё: где работают или служат одноклассники, на какие посты и куда судьба забросила сокурсников и знакомых по институту, кем стали друзья детства и юности, не учившиеся с ним, не забыли о соседях по дому, даче и гаражному кооперативу, не говоря уже о родственниках как его, так и жены.

Кроме этого, требовалось отследить прочие личные контакты, и это была, пожалуй, самая трудная часть работы. Именно здесь с наибольшей степенью вероятности мог пребывать искомый человек, но именно в этой области пропустить его было проще всего. Электронная почта, соцсети, скайп, обычные телефонные разговоры - над всем этим работали соответствующие специалисты. Но оставались ещё прямые личные контакты. Казалось бы, чего проще: возьми Яценко под плотную опеку, и задача решена. Но здесь была загвоздка: объект поиска мог оборвать взаимоотношения, а выявить связи, ушедшие в прошлое, весьма трудоёмко, для этого требовалось завязать не просто тесные, а доверительные отношения с «марксистом». Попытаться сблизиться с ним Кельвин решил лично, поскольку полагал, что наиболее подготовлен для этого. Он был знаком не только с его трудами, но и с основной частью работ тех авторов, переосмыслив

которых «марксист» выстроил свою теорию.

Официально Яценко не пребывал под контролем спецслужб, и контакт с ним не нёс никакой угрозы. Во всяком случае, для обвинения в шпионаже за знакомство и беседы с этим человеком оснований не было, так что работать можно было спокойно.

Единственное, чего опасался Барлоу, - насторожить объект. Если замкнётся, повторно подобраться будет на порядок труднее. Но более всего страшила связанная с этим потеря времени. Возможно, телетрансляция - не игра русских, и они так же будут искать лицо, осуществившее кибератаку, в соревновании с ними время становилось важнейшим фактором. Именно поэтому Кельвин не спешил идти на контакт, собирая всё, что позволило бы в точных деталях составить психологический портрет «марксиста» и не допустить осечки. Сделать это было несложно, ведь с момента приезда Барлоу за Яценко непрерывно следили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.